

Вальдорфская педагогика

То, о чем пойдет речь на этих страницах, можно назвать педагогическим новшеством только для нашей страны. Ведь вальдорфской педагогике уже семьдесят лет.

В 1919 году, в послевоенное трудное для Германии время, в Штутгарте открылась маленькая школа для детей рабочих фабрики «Вальдорф Астория», откуда и название. Об истории первой вальдорфской школы написано немало интересных воспоминаний, некоторые из них сегодня опубликованы и у нас. Самым главным в школе было то, что она возникла по инициативе родителей, хотевших, чтобы их дети учились «не так». Не менее важно, что у ее

истоков стоял Рудольф Штейнер — философ, ученый, исследователь творчества Гёте, создатель нового человекопознания, давший много новых импульсов не только в педагогике, но и в других областях практической человеческой деятельности — в медицине, сельском хозяйстве, искусстве.

Вальдорфское движение выросло из маленького семечка, той самой школы на табачной фабрике, как растет живое растение. За

пятьдесят лет — около ста школ (правда, надо учесть, что на эти годы пришлось вторая мировая война, когда вальдорфские школы были запрещены в Германии). За следующие десять лет — еще примерно сто школ, и география их расширяется; еще десять лет — еще примерно триста школ во всем мире. В наши дни существует около пятисот школ и тысяча детских садов, а кроме того — множество учреждений лечебной педагогики, там учатся дети с нарушениями развития. Характерный признак вальдорфских школ: раз открывшись, они, за редчайшими исключениями, уже не распадаются и не закрываются. Они живут дальше, как веточки дерева, и каждый четверг во всем мире собираются вальдорфские учителя на учительские коллегии в своих школах и ощущают причастность к общему делу.

Сегодня вальдорфская педагогика — это целый мир, в котором выходят журналы (иногда школы имеют даже собственные печатные издания), готовят новых учителей, течет бесконечно разнообразная и все же в чем-то существенном схожая жизнь. Встречаются большие школы в прекрасных зданиях необычной современной архитектуры, но вот создана школа в старом гараже, посреди района бедняков. Есть школы, несущие дух культурных традиций Средней Европы, есть школа в Японии, в которой празднуются буддистские праздники...

Попытки рассказать о внешней стороне жизни одной-двух школ неизбежно напоминают историю о трех слепых, описывающих слона. Тем не менее можно упомянуть о некоторых основных признаках — в надежде, что люди, всерьез заинтересовавшиеся вальдорф-

Ж. Шарден, «Мальчик с волчком».

Г. Кюлевинд Школа сознания

У нас, к сожалению, только один вечер, и я хотел бы в этот вечер сказать о вальдорфской педагогике в более общей форме. Если вы размышляли над вопросом, что такое хорошая педагогика, то в результате, вероятно, пришли к выводу, что сказать это трудно. Потому что настоящая хорошая педагогика связана с потребностями времени — в двух различных смыслах.

Во-первых, в различные культурные эпохи существовало разное понимание хорошей педагогики. Во-вторых, когда ребенок растет, хорошая педагогика должна расти вместе с ним.

В настоящую эпоху тоже можно найти старые педагогические методы. В дзен-буддистском монастыре, например, вы увидите, что начинающий монах, послушник два го-

«Знание — сила».
Май 1991

ской педагогикой, на этом не остановятся, а станут смотреть глубже.

Самая главная фигура в школе — это «классный учитель», человек, который на протяжении восьми лет, с первого по восьмой класс, преподаёт все основные предметы: родной язык и литературу, живопись, математику, физику, зоологию, ботанику, историю, географию и т. п. Основные предметы преподаются «эпохами»: три-четыре недели — один предмет, затем другая «эпоха» — иной предмет. Это относится к «главному уроку» — два часа утром, каждый день. Затем, ближе к середине дня, дети занимаются искусствами — живописью, рисованием, музыкой, особой формой музыкального движения — эвритмией и иностранными языками. Все это, естественно, для разных возрастов по-разному. Очень много внимания уделяется ручной работе — от работы с мягкой непряжей шерстью в первых классах до обработки камня — в двенадцатом. Ручной труд во всех классах одинаков и для мальчиков, и для девочек. Школы и детские сады коллегияльно самоуправляемы — директоров нет, как нет и никаких высших инстанций над ними. Оценки в школах отсутствуют, стандартные учебники тоже.

Ученики вальдорфских школ по окончании школы должны сдавать (правда, не во всех странах) экзамены наравне со всеми остальными учениками государственных школ — таково требование государства.

Восточная Европа, пережившая за последние один-два года буквально тектонические социальные сдвиги, не имевшая до того почти никакой возможности развивать эту уже прочно стоя-

щую на земле и действительно свободную педагогику, спешит наверстывать отбренные у нее годы — школы возникают в Польше, Венгрии, Чехословакии, не говоря уж о бывшей Восточной Германии.

Как в сказке про волшебное колечко, которое нельзя ни купить, ни украсть — только получить в подарок от чистого сердца, свободную вальдорфскую школу нельзя создать искусственно никаким декретом и никаким властным усилием. Сколько бы ни мечталось о райской жизни для детей при взгляде на уже живущие школы в Европе или Америке, тому, кто хочет создать такую школу, нет другого пути, кроме как терпеливо и неспешно растить школу на том месте, где она должна быть.

У нас интерес к вальдорфским школам нарастает стремительно — по мере того, как появляются статьи, заманчиво рассказывающие об этой, прочно запрятанной до последних лет педагогике. Одна за другой рождаются отдельные инициативы — в Москве, в Ленинграде, в Иркутске, в Эстонии, Грузии, Армении, в Туве, — приезжают учителя и доценты учительских семинаров читают лекции, после которых остается извечный вопрос «что делать?».

1 октября 1990 года в Москве открылся Московский вальдорфский учительский семинар — первое учебное заведение такого рода в нашей стране*. Это значит, что люди, которые хотят стать учителями оте-

* В Эстонии уже открыты три маленькие школы и, возможно, к моменту выхода этого номера журнала появятся еще где-нибудь, но подготовки учителей пока не было.

чественных вальдорфских школ, могут теперь получить соответствующее образование не в Европе, а в Москве. Семинар пока очень невелик, но ведь и само вальдорфское движение начиналось с малого. Наверное, история движения впоследствии отметит эту дату — свободная вальдорфская педагогика в огромной части мира, обладающей невероятным духовным потенциалом, спустилась до земли и встала на землю.

Лекция Георга Кюлевинда была прочитана для студентов семинара — взрослых людей, объединенных общим стремлением и надеждой. И хотя все присутствующие на лекции были знакомы уже с вальдорфской педагогикой — кто год-два, а кто и гораздо больше, но и для них прочитанное явилось поразительным по цельности и глубине. Самая основа, которая часто остается неясной за бесконечным разнообразием внешних заманчивых подробностей школьной жизни, с той абсолютной простотой, которая есть лишь результат огромного пути, звучит в этой вводной лекции.

Лекция читалась на немецком языке и тут же устно переводилась на русский. То есть у слушателей было время воспринять каждую фразу, до какой-то степени «переварить» ее, увидеть самого лектора, его мудрую улыбку и точные жесты, задуматься над обращенным к залу вопросом — короче говоря, *пережить* эту лекцию. Если вы сможете прочесть ее так же, не торопясь, внимательно вслушиваясь в каждую фразу и вдумываясь в то, что за ней стоит, — это может дать вам не меньше, чем десятки книг по методикам и планам вальдорфских школ.

М. ШАСКОЛЬСКАЯ

да только работает в саду, чистит, убирает и т. д. Но пока он занят подобными делами, он *вблизи учителя*, мастера. В этом вся суть. Он может наблюдать за мастером, подражать ему — как он ходит, как берет чашку чая, — все, что видит вокруг мастера. Но это не внешнее подражание. Он изучает, каков мастер внутри, подражает ему внутренне. Так же подражает и хороший

актер. Ведь хороший, настоящий актер не наблюдает в каждом отдельном случае подробности поведения, но у него развивается *чувство* — каков другой человек; и он знает, как этот человек будет смеяться, плакать, жестикулировать.

И вот ребенок так же подражает в течение приблизительно семи лет и еще немало позже. Хорошая педагогика для та-

кого возраста состоит в том, что при ребенке присутствует хороший человек. И это переносится на ребенка. С годами многое изменяется, ребенка надо научить писать, считать. Маленькие дети очень одарены. Каждый здоровый маленький ребенок необычайно одарен. Это можно видеть на примере того, как любой нормальный ребенок научается родному языку. Всем известно, как трудно изучить иностранный язык взрослому. Но здесь хотя бы уже есть родной язык и умение мыслить, думать. А представьте, что перед вами стоит задача выучить иностранный язык, когда у вас нет родного и вы не умеете думать. И ведь каждый ребенок это может! Вот почему я говорю, что он невероятно одарен.

Вопрос стоит скорее так: каким образом взрослые теряют способности? Куда уходит одаренность маленького ребенка и почему? Как сделать, чтобы она сохранилась для позднейшей жизни или хотя бы для ее части? Это-то и есть цель вальдорфской педагогики.

Обычная педагогика во всем мире совсем другая. Она рассматривает ребенка как маленького взрослого, который просто глуп и не умеет делать многое из того, что умеет взрослый. Поэтому такая педагогика старается сообщить «маленькому взрослому» как можно больше знаний.

А что, собственно, происходит, когда слишком рано хотят сообщить ребенку много знаний? Я поверну вопрос немного по-другому: как можно воспрепятствовать развитию способностей? Например, у ребенка есть математические способности. Как можно воспрепятствовать их раскрытию? У вас есть предложения?

Из зала: — Надо заставлять его как можно больше заниматься математикой, причем все время проверять, хорошо ли он это делает.

— Это приблизительно так, но можно еще более ярко сформулировать.

Рисунок и музыка — обязательные элементы воспитания в вальдорфских школах.

Пастух, собака и ягненок, сфотографированные на территории вспомогательно-педагогической организации в Шварцвальде.

29

Из зала: — *Давать материал в наиболее изложенной форме.*

Из зала: — *Давать в очень сухом виде эти цифры, без всяких образов, оторванными от жизни.*

— Это прекрасные предложения. Но широко используется вот такой способ. Математика развивалась долгое время. И очень надежно можно подавить математические способности ребенка, преподавая ему при изучении математики только последнее слово. То есть не проходить с ним все то развитие, которое прошла математика.

Вопрос: — *Понятно, что это плохо. Но есть противоположный ход. Ребенку, например, начинают давать аксиоматику Евклида. Или изучение языкознания начинают с самых древних языков — латыни, древнегреческого.*

— Это тоже распространено и тоже плохо, но не столь ужасно. Я продолжу, и, может быть, моя мысль будет вам яснее. В антропософии мы говорим о том, что живем в эпоху души сознательной. И особенность души сознательной состоит в способности человека наблюдать процессы, протекающие в его собственном сознании. С маленьким ребенком невозможно говорить о процессах, происходящих в его сознании, о мышлении, о слове и т. д. У него нет еще души сознательной. (В настоящее время душа сознательная начинает проявляться довольно рано — в 8—10 лет.)

И душа сознательная принесла много плодов. Так, современное естествознание — ее плод, хотя и не самый лучший. Чтобы заниматься естествознанием, нужно иметь определенную развитость душевной жизни. Например, нужно достаточно хорошо мыслить. Наука в свою очередь породила технику. Многие люди пользуются различными аппаратами. Вот, скажем, утюг. Однако знает ли домашняя хозяйка, пользующаяся им, как он устроен? Или знаем ли мы, как изготавливается ванна? Мы окружены вещами, мы используем их, но не представляем, как они сделаны и что составляет их сущность.

Сравним эту ситуацию с той, что существовала в эпоху Петра Великого. У него тоже была ванна, но, по всей вероятности, деревянная. И глядя на нее, на простое деревянное корыто, человек знал, как оно сделано, хотя бы приблизительно. Ныне люди приобретают готовые вещи и не задумываются о том процессе, который привел к этому результату — конкретной вещи. Мы, так сказать, одаряемся плодами души сознательной. Иными словами, мы не проходим того пути, который привел к развитию души сознательной. Это значит, что мы живем как бы в плохой школе.

Основной принцип вальдорфской педагогики начинает прилагаться уже тогда, когда ребенок получает куклу, свернутую из простой салфетки. У нее есть голова и какое-то тело. А все остальное, что еще есть в человеке и что можно видеть в кукле, доверено фантазии ребенка. И для ребенка подобная ситуация нормальна. По сути дела ему и этого не надо — можно дать просто, к примеру, кусок дерева, и ребенок прекрасно будет с ним играть и скажет: это ведьма. И он способен даже испугаться ее. Только взрослый не должен говорить: нет, у тебя просто кусок дерева. Ребенок это и

так знает, но у него есть фантазия. В следующий момент тот же кусок дерева станет лошадкой, а взрослый и не заметит этого.

В России есть прекрасный кукольник Образцов. Он много раз бывал в Будапеште, и я был поражен его искусством. У него много вещей сложных в техническом отношении, но меня увлекло другое. Он взял простой деревянный шарик с дыркой и надел его на палец. И это стало ребенком. Он спеленал его, спел ему, ребенок заснул, проснулся, надо было менять ему пеленку... Потом тот же шар сделался злой собакой, что артист «сдерживал собаку», чтобы она не укусила зрителей, кормил ее и т. д. Это — как в вальдорфской педагогике. Сущность ее — *никогда не давать что-то готовое*. Не говорят: дело обстоит вот так, и это надо выучить. Дается очень мало, и ребенок должен сам восполнить остальное — фантазией, мышлением, чувством.

Со временем я вообще пришел к идее, что мир создан по принципам вальдорфской педагогики. Просто мы того не замечаем. Я имею в виду теорию познания Штейнера. Я не буду ее сейчас объяснять, но на одном примере попытаюсь сделать понятной для вас.

Представьте, у вас есть хорошая, содержательная книга, к примеру, изречения Будды, Библия, может быть, «Философия свободы» Штейнера. Мы читаем ее, что-то понимаем и на время откладываем. Через года два начинаем читать снова и восклицаем: «Я никогда не читал эту книгу!» Но мы видим в ней свои пометки... Однако теперь она говорит нам совершенно другое. Не потому, что мы забыли свое прежнее понимание: просто способность понимания повысилась. Снова читаем книгу, откладываем, а через два года берем ее опять. Раньше этого предложения не было... И так повторяется десять, двадцать раз.

*Б. Ермолаев, шкатулка
«Первомайский праздник в Палехе»,
1975 год.*

Что же составляет действительность книги? Каждый раз мы думаем: вот оно! Ведь черным по белому написано... Но при новом чтении книга говорит иное. И опять с пеной у рта мы утверждаем: вот содержание! Когда подобно происходит в пятый раз, мы уже не совсем уверены. Мы на опыте убедились: что-то с этой действительностью не так, она меняется. Меняется в зависимости от того, как мы ее понимаем. Что-то в нас восполняет ее.

Из чего состоит книга? Для тех, кто не умеет читать, — из бумаги и краски, что-то черненькое на бумаге. Кто немного научился читать, тот видит буквы. Кто умеет больше — найдет слова, затем предложения и т. д. Действительное содержание книги зависит от того, насколько мы ее можем дополнить. Это суть штейнеровской теории познания. Ничего другого.

Мир восприятий, в котором мы живем, природа — такая же книга. Мы способны прочесть в ней не очень много. Мы можем назвать в ней какие-то «буквы» — дуб, береза, трава, медведь, волк. Буквы. Больше ничего. Постепенно мы, быть может, научаемся прочитывать больше. Тогда, встретив человека, который видит камень, растение, слона, мы скажем: ты еще не научился читать то, что существует на самом деле. Здесь нечто другое.

Итак, мы живем в окружающем мире, как в вальдорфской школе. То, что к нам приходит «неготовым», мы должны восполнять. И чтобы лучше понимать, мы должны все больше восполнять из нас самих. Почему мы не замечаем этого? Мы делаем мало усилий, чтобы стремиться лучше понимать. Если человек остановился на буквах, ему не приходит в голову, что их можно сложить в слова. И мы не осознаем, что мы постоянно восполняем — скажем, понятия. Вот почему вальдорфская школа — не что-то выдуманное. Это естественное воспитание, потому что так устроен мир.

Если вы это понимаете, вы понимаете, почему уроки в вальдорфских школах проходят именно так. Чтобы проникнуть в их суть, нужно еще знать, как в ребенке связаны между собой мышление, чувство и воля. У взрослых познание протекает по большей части в мышлении. У ребенка не так. И у древних народов тоже. И у тех народов, которые живут сегодня, как древние. Например, в Бразилии еще встречаются народности, у которых «чувствующее» отношение к природе. Они очень близки природе. Если спросить такого индейца, как выглядит лист дуба в сравнении, скажем, с листом розы, он не знает. И нарисовать не сможет. Как же — ведь он так близко к природе живет! Почему?

Из зала: — *Зачем ему это рисовать, когда он в этом живет?*

— Он чувствует. Мы способны узнать дерево, например дуб, только посмотрев форму листьев, кору. Индеец же подходит ближе и чувствует: дуб. Нечто подобное происходит у детей, когда они рисуют дерево. Можно сказать: ребенок недостаточно хорошо наблюдает. И это действительно так. Он воспринимает что-то существенное. И это совсем не реалистично.

Плохой педагог скажет, что рисунок нехороший, неточный. И рисунки древних народов похожи на детские. Выделяется имен-

но что-то характерное, остальное дополняется фантазией, чувством. Внутренне он знает, о чем идет речь. Это разумное чувство. Оно не оторвано от мышления. В таком чувстве растворено мышление. В ходе развития мышление высвобождается из чувства, но очень важно, когда и каким образом. Вот почему в первые годы преподавание ведется так, чтобы понимание сопровождалось чувством. Точнее, *понимание должно быть ведбмо чувством*. Поэтому в вальдорфских школах много занимаются искусством. Именно в искусстве мы понимаем чувством, взрослые тоже. Одним лишь мышлением нельзя ни создать, ни понять произведение искусства.

В вальдорфской педагогике по сравнению с другими методами разделение чувства и мышления задерживается. Иногда это немного пугает родителей, поскольку дети позже начинают читать и писать. Родителям лучше знать о подобных вещах заранее. Для ребенка это означает, что он дольше живет в чувстве звуков, букв, слов, предложений.

Наблюдая ребенка, который только научился или учится говорить, вы заметите, что он обращается со словами, как с реальными предметами. Играет с ними, создает свои собственные. Удивительно, но «сочиняя» их, он делает это вполне в соответствии с грамматическими и фонетическими законами родного языка. По словам, созданным ребенком, можно судить, какие они — русские, немецкие или венгерские.

Законы языка строгі: об этом много известно, но дети-то этого не знают, однако сохраняют их. Один пример. В венгерском языке слово не может начинаться с двух согласных. И венгерский ребенок *не создаст* слово с двумя согласными вначале. Это великолепно! Это чувствующее отношение к языку, к речи, к слову. Оно тотчас исчезнет, если ребенок рано учится читать, писать и т. д.

Вопрос: — *Есть методика, по которой рано учатся читать и писать. Говорят, результаты хорошие.*

— Это хорошо, лишь когда преследуется цель — научить абстрактно мыслить. Подобная методика дает только результат, не процесс. Наше письмо алфавитное. Ему предшествовали другие формы — в картинках, например. А здесь развитие от картинок до алфавитного письма у ребенка отрицается.

Такое воспитание с подчеркнутым интеллектуализмом имеет значительные последствия. Мышление быстро освобождается от разумного чувства, о котором мы говорили. Чувство это становится неразумным. И тогда всем известно, что происходит. Рождается эгоизм, не чувствование, обращенное вовне, а чувство самого себя. Последствия особенно заметны после полового созревания — пустынная духовная жизнь.

Если же это высвобождение протекает медленно и позже, то чувство не остается без мышления. Остается резонанс в чувстве для истины, для первичных интуиций человечества — истины, красоты, добра. Если мышление покидает чувство, силы, содержащиеся в чувстве, уходят в область подсознательного, того, что в психологии называется бессознательным.

Вопрос: — *Как поступать, если ребенок*

в два с половиной года спрашивает, что это за буква? Отвлекать внимание?

— Можно назвать букву. Не надо отвлекать внимание, если оно естественно, — пусть ребенок наблюдает. Вообще возникают большие проблемы, когда родители не знают сути вальдорфской педагогики. Тогда они могут вне школы делать с ребенком то, что не соответствует духу вальдорфской педагогики. Вот почему перед основанием вальдорфской школы надо долго работать с родителями будущих учеников.

Школа — это не только учителя и ученики, это и родители. У нас много публичных лекций. Моя первая задача — как можно сильнее испугать родителей. Я говорю: если вы отдали ребенка в вальдорфскую школу, это для вас еще большая авантюра, чем для ваших детей. Не думайте, будто, устроив ребенка в вальдорфскую школу, вы можете ничего не делать с ним дома. *Родителям предстоит учиться больше, чем детям.*

Еще проблема — соседские дети. Они в первом классе хорошо читают и пишут, много смотрят телевизор, у них — необыкновенные игрушки, например кукла с закрывающимися глазами, и т. д. Родителей еще можно как-то воспитать, но соседей!.. Эта проблема тоже падает на плечи родителей. Должен ли ребенок ходить в гости к соседям? Запрещать нехорошо. Но там он усядется перед телевизором...

Что делать? Родители должны больше времени проводить с детьми. Рассказывать хорошие сказки, петь, музицировать. Тогда ребенка не будет притягивать к себе телевизор, а позднее — рок-музыка. Если в школе или семье не позаботились ввести в обучение хорошую современную музыку, ребенок в определенном возрасте обязательно увлечется рок-музыкой. Ребенок с музыкальными способностями, воспитанный на Шуберте и Чайковском, обязательно впадет в это увлечение. Избегать его можно, только давая хорошую современную музыку: тогда рок будет скучен. Но даже когда ребенок увлечется рок-музыкой, не надо делать из этого трагедию. Если он хорошо воспитан, то со временем все пройдет.

Вопрос: — Что такое хорошая современная музыка?

— Шостакович, Прокофьев, много есть современных хороших композиторов. Барток. Его цикл «Микрокосмос» — школа игры на фортепьяно от начала до первого концерта. Кто занимался на таком материале, не увлечется рок-музыкой. Это известно по опыту...

Несколько слов об учителе. Педагогика есть инструмент. Если я не умею играть на скрипке, зачем мне скрипка Гварнери? То же и с педагогикой. Вальдорфская педагогика ничего не может без хорошего учителя. Вот сейчас господин Штёклин* заткнет уши, а я вам скажу по секрету...

Господин Штёклин, заткните, пожалуйста, уши.

Если бы я был отцом и выбирал школу для своего ребенка, то выбрал бы государ-

ственную школу, где гениальный учитель первого класса, а не вальдорфскую, где учитель первого класса слаб. Идеал, конечно, гениальный учитель в вальдорфской школе.

У гениального учителя есть способность. Не знания, а именно способность. То, что он изучает в семинаре, он потом не должен все время припоминать. Знания изменяются, трансформируются в способность. Подобные вещи можно сравнить с умением писать, мы же не вспоминаем при письме того, что делали, когда этому учились. Учителю нужно быть в известной степени ребенком, точнее — снова стать им из собственной сознательной работы. Что это за работа? Есть методы преподавания, но очень хороший венгерский педагог сказал: нам необходимы не методы, а установки. Однако такие установки лишь тогда станут реальностью, когда за ними стоит личность.

Гениальный учитель должен уметь импровизировать. Знать, что нужно каждому ребенку в данный момент. И о любом предмете знать, как преподавать его, чтобы не нарушить способности ребенка. Этому можно научиться только на практике. В нашей вальдорфской школе я наблюдал подобное у одной учительницы. До начала преподавания она была столь скромна и неуверенна, что я боялся, справится ли она с работой. Но начал, она развила такую способность к импровизации, на какую я и не надеялся! Позже я прочел у Штейнера (текста нет, поэтому цитирую приблизительно): ваше знание не пригодится, если в начале года вы знаете, как преподавать. Удача придет, если во время учебного года вы поймете, что это такое — хорошо преподавать. А с начала другого года все должно начаться заново.

Что ждет вас как вальдорфских учителей? Если вы станете хорошим учителем, вы никогда в духовном смысле не уйдете на пенсию, никогда не скажете: я уже знаю, как надо. Этого никогда нельзя знать. Конечно, надо заниматься методикой, но методы необходимо забыть, чтобы они превратились в способности. Если выводя каждую букву, человек вспоминает, как она пишется, значит, он еще не научился писать.

Существует важная вещь, которой я хочу закончить. Воспитывая учителя, мы много занимаемся искусством. Я бы вообще не стал называть это учительским семинаром, скорее — воспитанием учителя. Но наряду с ним существует и школа сознания. Она необходима по трем причинам.

Первая состоит в том, что сознание современного человека нездорово, поскольку мышление оторвано от чувства. А значит, больны и чувство, и воля. Вторая причина: проходя школу сознания, человек развивает интуицию. У него возникает больше творческих идей. Есть еще и третья причина: приобретение познаний более высокого рода.

Но мы должны быть скромными людьми — и говорим, что занимаемся упражнениями для оздоровления своей внутренней жизни и развития интуитивных способностей. До сих пор только в немногих учительских семинарах по вальдорфской педагогике занимаются этими упражнениями практически...

Вот то, что я хотел сказать вам. Я желаю вам успеха. ●

* Феликс Штёклин (Швейцария) — преподаватель живописи и немецкого языка, проработавший в вальдорфских школах много лет.